

Парадоксы марксистской этики

Процесс освоения культурного наследия советской эпохи сегодня вступает в новую исследовательскую фазу. Прошло время однозначно-непротиворечивых суждений об этом периоде как апологетического, так и нигилистического характера. В этом процессе наиболее важным является адекватное восприятие советской философии, которая в своем официальном измерении была главным проводником и создателем марксистско-ленинской идеологии, которая, по сути, философией никогда не была, более того, боролась и подавляла проявления живой философии в СССР.

В тоже время, нельзя сказать, что истинная философия свершалась абсолютно *вне* рамок официальной советской философии (напр. в эмиграции, в самиздате и проч.); это было бы упрощением сложной и противоречивой картины реального философского процесса. Такие фигуры как М. М. Бахтин, Э. В. Ильенков, Н. Н. Трубников, М. К. Мамардашвили, А. В. Гулыга, А. Ф. Лосев, Г. С. Батищев, А. В. Чанышев, Л. Н. Столович, Ю. Н. Давыдов и многие другие, все же принадлежали именно к советской философии. Однако их философские построения далеко выходят за рамки какой-либо идеологии и являются конкретным опытом «вечной философии» в контексте советской культуры.

Достаточно сложно понять, как, в условиях тотального подавления инакомыслия, использования философии как главного инструмента насаждения и распространения идеологии, могла существовать живая философская мысль. Парадокс в том, что могла, и могла не только *вопреки* официальной идеологии, но и *благодаря* исконным философским свойствам русской души, всегда отличавшейся стремлениями к исканиям и вопрошаниям

высшего порядка, и благодаря особой философской культуре, сформированной задолго до появления официальной советской идеологии.

В этом контексте необходимо различать некоторые течения в рамках официальной советской философии. С одной стороны, это диалектический и исторический материализм, который был главной идеологической силой, заменившей опыт философского искания системой готовых «научных» знаний относительно всех кардинальных вопросов мироздания. С другой стороны, как отмечает М. С. Уваров, «даже в этих условиях становились возможными оригинальные, талантливые стили гуманитарного мышления» [5; 262]. В своей работе исследователь убедительно показывает, что «доктринальный язык официального марксизма постепенно замещал собой любые проявления языкового и содержательного инакомыслия», что привело к тому, что этот язык приобрел «логическую оформленность схоластического типа».

Завершенность языка советской философии, ставшей орудием идеологии, а не добытчиком мудрости, проявилось в том, что «логическое» становится равным «идеологическому». В результате, отмечает М. С. Уваров, «внешняя форма выражения этого тождества вобрала в себя манеру позитивистского и схоластического дискурсов» [5; 261]. В этом смысле, можно сказать, что разрыв целостности традиций русской философии в советский период произошел именно в «доктринальном языке» официальной философии, чьим языком был язык логики, ставший языком идеологии. Причинно-следственной связи между логикой и идеологией, конечно нет. Но дело в том, что посредством логики оказалось возможным обосновать марксистскую идеологию абсолютного знания, достигнутого в недрах советской науки.

Однако традиции подлинной философии сохранились, и сохранились они, преимущественно за счет этики. Парадокс в том, что этика, которая в недрах официальной философии была призвана стать наиболее сильным орудием идеологии именно в силу того, что это «практическая философия», стала, в конечном счете, тем духовным пространством, в котором вызрела здоровая, живая школа аутентичной философии, вобравшая в себя и опыт

предшествующих (в том числе религиозно-философских) традиций, и мировой опыт современной философии (экзистенциализм, философская антропология и т.д.).

Этика как «практическая философия» смогла, в конечном счете, отойти от приоритетов классового и узкосоциологического подхода и выйти в пространство классических философских тем и вопросов. Достаточно привести в пример работы О. Г. Дробницкого: «Мир оживших предметов» (1967), «Понятие морали» (1974), давшие образец фундаментального логико-философского и исторического обоснования предмета этики и основных категорий этической теории. Весьма ценным в этих работах является включение опыта западноевропейской моральной философии XX века.

Если посмотреть на показательный в этом плане учебник «Марксистская этика» (1980), авторами которого являлись наиболее авторитетные советские этики, которые внесли существенный вклад в развитие отечественной философии, в том числе, и в постсоветский период (А. И. Титаренко, А. А. Гусейнов, В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов), то видно, что помимо идеологии («коммунистическая мораль – высший этап нравственного развития человечества» [2; 87], здесь имеется ряд принципиально значимых тем и вопросов, способствующих высшему философскому и духовному развитию человека.

Так, шестая глава «Смысл жизни, идеал, счастье» содержит в себе такие разделы как «смысл жизни», «счастье и несчастье», «страдание, смерть и бессмертие». Несмотря на некоторую идеологическую предзаданность ответов, сами вопросы, их постановка и контекст появления вполне соответствуют классическому стилю философствования, и любого мыслящего человека не могут не привести к самостоятельному поиску ответов на «вечные» вопросы (которые, в этом учебнике, так и обозначены). Достаточно привести одно суждение, говорящее о том, что разговор с читателями достаточно серьезен: «У человека существуют и *высшие социальные потребности*, которые выражают стремление найти ответы на «вечные» или «роковые» вопросы: осознать себя,

установить, «что он есть», для какой жизненной задачи предназначен, как ему жить, и даже выяснить, стоит ли жизнь вообще того, чтобы быть прожитой. Что подводит человека к этим вопросам, властно побуждает напрягать ум и волю в поисках ответа на них?» [2; 164].

Авторы не говорят, что это эти вопросы – «буржуазные предрассудки», возникшие в определенное время, в определенном обществе, но отмечают их «вечный» характер, то есть присущей человеческой природе как таковой. Более того, отмечается, что данный круг вопросов «стимулируется осознанием человеком конечности своего существования», а также причиной их появления полагается страдания «плоти» и «духа». Иными словами, эти вопросы свидетельствует об универсальном, «общечеловеческом» характере важнейших философских вопросов, и заявляет это в рамках официальной идеологии именно этика. Наверное, не случайно В. Н. Шердаков говорил, что «этика – это красота в философии».

Таким образом, можно сказать, что «марксистская этика» парадоксальным для себя самой образом явилась основой подлинной философии, в которой не произошло «перерыва» или «разрыва» с традициями классического (в том числе и дореволюционного) философствования.

Можно привести большое количество философов советского периода (А. В. Гулыга, Я. А. Мильнер-Иринин, В. Н. Шердаков, М. С. Каган, К. М. Долгов, Л. Н. Столович и др.), которые в своих работах исповедовали отнюдь не «марксистско-ленинскую» методологию, но ориентировались на классические принципы философии. В том числе, можно указать на важнейший философский принцип триединства истины, добра и красоты, составляющий основу человеческого бытия и культуры, и являющийся искомым принципом подлинного творчества и жизни.

Так, А. В. Гулыга в своих работах обосновывает идею синтетического понимания высших духовных ценностей. Связывая познание с практикой в контексте осмысления и осуществления идеала, философ приходит к формулировке принципа триединства истины, добра и красоты: «Истина,

добро, красота – три ипостаси идеала. Испокон веку в словах этих воплощалось представление о высших духовных ценностях». Итак, истина, добро и красота – «ипостаси идеала», высшие духовные ценности. Духовность представляет собой синтез истины, добра и красоты. «Красота вызывает эстетическое переживание – вид катарсиса, – служащее стимулом для познания истины и утверждения добра. Красота – среднее звено между истиной и благом» [1; 154].

Сопоставляя историческое развитие «аксиологической эстетики» и «эстетической аксиологии» в контексте анализа соотношения ценностей эстетических с ценностями другого рода, другой видный исследователь Л. Н. Столович приходит к абсолютному аксиологическому синтезу – триединству истины, добра и красоты, который выражается в «истинности Добра и Красоты, доброты Истины и Красоты и красоты Истины и Добра» [4; 456].

Традиционное, классическое философское обоснование триединства добра, истины и красоты имеется в книге В. Н. Шердакова «Добро – Истина – Красота». В этой работе излагается целостная программа философского исследования духовного своеобразия человеческого бытия. Исследователь полагает, что исконная философская задача заключается в том, чтобы обосновать возможность и необходимость полноценной духовной жизни человека, которая заключается в гармоничном сосуществовании познавательного, эстетического и нравственного начал человека. Этим собственно и определяется смысл философского делания как такового, по крайней мере, того, как это было принято в традициях отечественной философии: «...духовная жизнь человека в ее основных измерениях – познавательном, эстетическом и нравственном – коренится не только на поверхности сознания, а уходит в глубины психики. Это значит, что и гармония существования может быть достигнута не просто изменением направленности и содержания мышления личности, но предполагает и перестройку всего ее внутреннего мира» [7; 7].

Фундаментальный труд Я. А. Мильнера-Иринина «Этика, или Принципы

истинной человечности» современные издатели оценивают как «памятник духовных поисков советских философов». Можно добавить, что этот «памятник» представляет собой образец классической постановки философских вопросов вне идеологического контекста. В этической концепции автора содержится полноценная, диалектически строгая философия триединства истины, правды, красоты, объединенных высшим началом добра: «Твори добро, то есть такой мир, социальный и естественный, в котором истина – принцип теоретической деятельности, правда – принцип практической деятельности и красота – принцип художественного творчества общественно-исторического человека слились бы в высшем, идеальном синтезе» [3; 83].

Из краткого анализа работ некоторых выдающихся советских этиков и эстетиков видно, что в рамках аксиологической философии происходила серьезная философская работа, позволяющая судить о высоких достоинствах этой мыслительной традиции. Сегодня необходимо изучать объективно и непредвзято в полном объеме, прежде всего, аксиологический пласт советской философии, который содержит в себе большой эвристический потенциал для будущей философской работы. Постепенно современные исследователи приходят к убеждению в необходимости изучения советской философии и фундирования этой традиции в качестве одной из историй философии. В частности Г. К. Щедрина предлагает создать «историю советской эстетической мысли, с тем, чтобы увидеть ее обретения и потери, определить ее место в современности» [8; 167].

И этика, и эстетика, и антропология требуют своего достойного изучения и полноценного включения во всеобщую историю русской мысли. Эта история образуется как некая целостность и единство, даже не смотря на то, что такой авторитетный философ, богослов и историк философии как Г. Флоровский говорил о том, что «История русской культуры, вся она в перебоях, в приступах, в отречениях или увлечениях, в разочарованиях, изменах, разрывах. Всего меньше в ней непосредственной цельности. Русская историческая ткань так странно спутана, и вся точно перемята и оборвана» [6; 500].

Современный философский процесс оказывается погруженным в контекст радикального релятивизма культуры, который пришел на смену идеологическому монополизму советской эпохи. В этой ситуации необходимо обращение к тем традициям в истории философии, в которых находили свое обоснование фундаментальные ценности бытия. В этом смысле опыт советской философии оказывается весьма ценным, так как это пример философствования в условиях, принципиально чуждых и враждебных философии и всем формам аутентичной духовной практики.

Ретроспективно, в «свете аксиологии» русская мысль образует устойчивое типологическое единство, в котором советская философская практика включается не как антипод предшествующей традиции, и не как «инобытие православного духа», а как закономерное развитие фундаментальных философских принципов в сложной, драматической и трагической обстановке идеологического гонения на свободную мысль. Можно сказать, что в аксиологической перспективе советская философия выполнила свою исконную миссию – сообщить людям о вечных и абсолютных ценностях бытия и культуры.

Литература:

1. Гулыга А. В. Принципы эстетики. – М. : Политиздат, 1987. – 286 с.
2. Марксистская этика: Учеб. Пособие для вузов / А. И. Титаренко, А. А. Гусейнов, В. И. Бакштановский и др. – М. : Политиздат, 1980. – 352 с.
3. Мильнер-Иринин Я. А. Этика, или Принципы истинной человечности. – М. : Наука, 1999. – 520 с.
4. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. – М. : Республика, 1994. – 464 с.
5. Уваров М. С. Советско-российский опыт семиотики повседневного // Человек. Государство. Глобализация: Сборник философских статей.

- Выпуск.3. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество;
Тбилиси: Институт политологии АН Грузии, 2005. – С.260-278.
6. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Париж, 1937. – 601 с.
 7. Шердаков В. Н. Добро – истина – красота / В. Н. Шердаков. – М. : Знание, 1983. – 64 с.
 8. Щедрина Г. К. Эстетическое: сорок лет спустя // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. Материалы научной конференции. 26-27 сентября 2000 г. Тезисы докладов и выступлений. Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С.38-42.

Сведения об авторе:

Варава Владимир Владимирович

д.филос.наук, профессор факультета философии и психологии Воронежского государственного университета

vladimir_varava@list.ru